

Татьяна Янковская

ПРОЩАНИЕ С КАТЕЙ ЯРОВОЙ

12 декабря, в субботу, в девять часов утра в больнице новосибирского Академгородка умерла Катя Яровая, поэт и бард. Ей было 35 лет.

Похоронили ее 16 декабря в Москве на Востряковском кладбище, недалеко от могилы Сахарова. Много народу пришло проститься с ней. Звучали записи ее песен. Сколько друзей пришлось ей проводить в своей жизни! А теперь провожали ее. Навсегда.

Кто-то должен каждую черту
Ваших лиц запечатлеть глазами.
И вот эту, и еще вон ту,
И, как снимок, проявить слезами.

Прощайте...

Я как нищая — в ладонях ни гроша.
Одинокость хуже обнищанья.
Но зато я знаю, где душа, —
Там, где боль от нашего прощанья.

Прощайте...

Этим летом исполнилось десять лет с начала творческой деятельности Кати Яровой. К сожалению, первому десятилетию суждено было стать единственным. За эти годы Катя написала более 300 песен и немало стихов, которые отмечены высоким поэтическим даром, самобытностью и смелой гражданской позицией. Она проявила незаурядное личное мужество, открыто исполняя во времена застоя свои политические песни, полные острой критики, а в первые годы гласности помогала духовному раскрепощению людей, избавлению их от глубоко укоренившегося страха, напоминая, что теперь смеяться «можно, разрешили».

С необыкновенной чуткостью она умела уловить суть явлений, почувствовать тенденцию, что определило пророческий характер ее поэзии и точность исторических оценок.

Катина лирическая палитра поистине неисчерпаема, и многим еще предстоит открыть ее для себя. В некоторых песнях ей удалось, как, пожалуй, никому до нее, приблизиться к *запредельному* - тому, что невозможно описать словами, можно лишь пытаться постигнуть душой.

Катин стремительный уход из жизни - огромная потеря не только для русской культуры, но и для ее друзей, которых у нее было множество по обе стороны океана. Она обладала удивительной способностью мгновенно обрывать друзей, куда бы ни занесла ее судьба. Тепло и свет, исходившие от нее, делали ее родным, близким человеком всем, кто попадал в поле ее притяжения. Ей было так легко помогать - наверно, потому, что она редко о чем-нибудь просила и умела радоваться и быть благодарной, как никто. Ее неиссякаемое остроумие делало

общение с ней праздником. Ее нравственный барометр был безошибочен. В общении с ней люди раскрывались с лучшей стороны. Для многих из ее окружения встреча с ней, ее влияние открыло новую страницу в жизни.

Два с половиной года назад, когда она впервые приехала выступать в Америку, у нее обнаружили рак груди. Операция и лечение были успешными, но два года спустя появились обширные метастазы. Были задеты печень, легкие, мозг. Традиционные лучевая и химиотерапия не действовали, рак быстро прогрессировал. По просьбе Катиных родных ее взялся лечить новосибирский врач, который с помощью разработанных им препаратов поставил на ноги многих безнадежных раковых больных. Из Колумбуса (штат Огайо), где Катя лечилась, ее срочно переправили в Академгородок. Ее близкие сделали все, что в человеческих силах, чтобы ее спасти. Но болезнь зашла слишком далеко, и в конце концов, измученная непосильной борьбой «не на смерть, а на жизнь», Катя просто не смогла больше дышать.

Очень многие, как в России, так и в Америке, помогли Кате в это тяжелое время. «Новое русское слово» поместило 11 сентября 1992 года призыв о помощи, сообщив о ее катастрофическом положении. В ответ на эту публикацию Катя получила много писем с добрыми пожеланиями, несколько томиков стихов с автографами, кассеты с песнями, и, конечно, деньги. Пришел чек от Литфонда НРСлова. Шофер такси из Нью-Йорка прислал деньги и извинялся, что не может прислать больше - слишком часто его штрафуют. Все письма и деньги, продолжавшие приходить в Колумбус после Катиного отъезда в Россию, регулярно туда пересылались.

Ваша поддержка, дорогие знакомые и незнакомые друзья Кати, неоценима. Без этих денег лечение и уход, которые она получала в последние месяцы своей жизни, были бы невозможны. По свидетельству Катиной сестры, не будь этой материальной помощи, нельзя было бы перевезти и похоронить Катю в Москве.

К сожалению, Катя не могла лично поблагодарить каждого, кто откликнулся на статью. В августе этого года, уже тяжело больная, она написала новую песню. Пусть эта песня будет подарком тем, кто постарался облегчить ее последние дни. Это ее прощание с нами и с этим миром.

* * *

В разных была и обличьях, и обликах.
Сняв оболочку, я стану как облако.
Выдох и вдох, только выдох и вдох.
Что же ты медлишь? Возьми меня на руки,
Видишь, я стала чуть легче, чем облако,
Где же ты, где же ты, добрый мой Бог?

Где же вы, солнцем залитые пристани,
Где вы, аллеи с осенними листьями,
Звезды, моря, поезда, города...
Что же ты плачешь? Ведь я ещё видима —
Можно дотронуться легким касанием,
Прежде чем я растворюсь навсегда.

Промысел Божий не зная, не ведая,
Я, за судьбою безжалостной следуя,
Просьбой о помощи не согрешу.
Я еще слышу листвы шелестение,
Я еще вижу полоску закатную
И я дышу, Боже мой, я дышу...

«Новое русское слово», 22 декабря 1992 г.